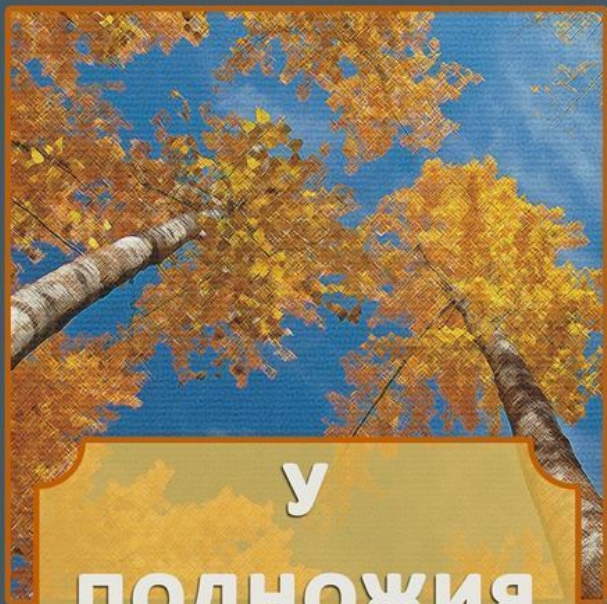

ВАЛЕНТИН ЛЮКОВ

**У
ПОДНОЖИЯ
РАДУГИ**

документальная повесть

Валентин Иванович Люков
У подножия радуги.
Документальная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9998558

ISBN 9785447409982

Аннотация

Эта книга – о любви и ненависти. О любви ко всему высокому и светлому, что есть в нашем современнике. О ненависти к тому, что мешало и мешает каждому из нас познать радость большого, заслуженного счастья. Эта книга – о Николае Борисове, простом и скромном человеке, в чертах характера и биографии которого удивительным образом проглядывают судьба, помыслы и стремления лучших представителей нашего народа. В основу повести положены документальные факты и события.

Содержание

Штыки и ромашки

7

Конец ознакомительного фрагмента.

35

У подножия радуги

Документальная повесть

Валентин Иванович Люков

Редактор К. В. Люков

Дизайнер обложки К. В. Люков

Иллюстратор В. Б. Трубкович

© Валентин Иванович Люков, 2017

© К. В. Люков, дизайн обложки, 2017

© В. Б. Трубкович, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-0998-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Иванович Борисов
(фото из семейного архива)

Эта книга – о любви и ненависти. О любви ко всему высокому и светлому, что есть в советском человеке, нашем современнике. О ненависти к тому, что мешало и мешает каждому из нас познать радость большого, заслуженного счастья.

Эта книга – о Николае Борисове, простом и скромном человеке, в чертах характера и биографии которого удивительным образом проглядывают судьба, помыслы и стремления лучших представителей нашего народа.

Автор не ставил целью описание всей жизни своего героя, а взял лишь узловые, переломные моменты.

В основу повести положены документальные факты и события. Автор допустил лишь некоторые смещения во време-

ни, что обусловлено композицией книги, и, в силу серьезных изменений в жизни героев, заменил некоторые подлинные имена на вымышленные, нисколько не отступая от правдивости событий.

Штыки и ромашки

1

Если человек сознает, что за его спиной стоит смерть, — он еще жив и может бороться.

Вот уже вторые сутки, почуя добычу, неотступно следует за Николаем Борисовым смерть. Никогда еще не имела она столь обильной жатвы, как в знойное лето тысяча девятьсот сорок первого. От замшелых стен Брестской крепости, через глухие чащи и топи Белоруссии до тихих березовых рощ Подмосковья распластала она снопы человеческих жизней, рассыпала по ветру незрелые зерна людских мечтаний и надежд. С алчной ненасытностью косила она людей десятками и сотнями, но и этого ей показалось мало. Она стала

охотиться за каждым человеком в отдельности, и вот очередь дошла до Борисова.

Снова впад в забытье, Николай чувствовал на своем лице ее холодное прикосновение, неумолимые жесткие пальцы сжимали горло, перехватывая дыхание.

«Нет, не ускользнешь, политрук! – казалось, шипела она. – Ты свое отходил по земле. Хватит!..»

«Рано мне умирать. Я еще ничего не успел, слышишь, ты, косматая!.. Незачем мне спешить. Ты врешь, смерть! Нельзя взять человека, если он не хочет сдаваться!.. Я должен жить!.. Меня ждут, и я вернусь к своим товарищам. Тебе лучше отстать от меня, все равно я не сдамся!..»

Но смерть отступать не хочет.

«У тебя уже нет сил, ты потерял добрую половину крови, – продолжала она беззвучный диалог. – Твои товарищи ушли. Они теперь далеко. Если бы они захотели остаться с тобой, они бы остались навсегда на этом поле. У тебя нет больше родины, нет семьи, нет товарищей. Все отныне принадлежит мне. Мне-е!.. Умри, политрук, и ты будешь спокоен. Вчера у тебя было два сухаря, ты съел их, а что ждет тебя завтра, когда взойдет солнце? Завтра ты все равно умрешь, зачем мучить себя?..»

«Неправда!» – закричал Николай и открыл глаза. Странно, он не слышал собственного голоса.

Перед ним сидела на ветке какая-то птичка и, скосив свою крохотную головку, с любопытством смотрела на раненого.

«Скажи ей, что я не умер!» – снова крикнул Николай, радуясь живому существу.

Птичка не шевельнулась.

«Скажи!»

Птичка отвернулась и стала прихорашиваться. Минуту спустя она пискнула и юркнула в бурьян. Потревоженная ветка тихо прошелестела засохшими листьями.

Тогда он понял – пропал голос. Он слышал писк птички и шелест куста, а птичка его не слышала. На его зов никто не придет, не вызовет, не протянет руку помощи. Вся надежда на свои силы. Надолго ли хватит их? Сколько прополз он за минувшие сутки? Метров пятьсот... Вон отсюда видны брошенные окопы. Они совсем рядом, может быть, даже ближе, чем он думает. Но и деревня недалеко. Если он сможет ползти с тем же упорством, то через пять суток доберется до крайней избы. Пять суток! Их надо прожить. Без еды и питья. Хорошо, что вчера он сумел сделать себе перевязку.

Надо отдышаться, стряхнуть остатки кошмара и двигаться дальше.

2

Главное – думать и не впадать в забытие, иначе косматая доконает.

Когда и как это началось?

Воскресенье, двадцать второе июня. Три дня прошло после выпуска из военно-политического училища. Накануне бывшие курсанты получили новенькую командирскую фор-

му. Поскрипывая снаряжением, важно ходили они по улицам, молодежато отдавали честь старшим по званию и с напускным безразличием смотрели поверх голов встречных девушек. Еще бы! Впереди у каждого интересная служба, большая трудовая жизнь. Разве могут понять это девчонки, завистливо провожающие их голубыми и карими глазами!

Воскресное утро в Белостоке было пасмурным, словно предостерегало жителей. Но это никого не тревожило до того часа, когда над городом появилась армада самолетов со свастикой и когда над станцией взметнулся первый огненный столб.

Горела станция. Горел город.

Война.

Запомнилось все до мелочей. Высокий, подтянутый майор Скрипник, начальник училища, с сухим, обветренным лицом и резким, звенящим голосом, отдал команду грузиться в машины.

Где-то под Барановичами курсанты уничтожили воздушный десант. Гулко, как мешки с песком, плюхались на землю парашютисты.

А под Минском невесть откуда прорвавшийся танковый взвод расстрелял прямой наводкой автоколонну училища. Дальше шли пешком небольшими разрозненными группами. Под ногами хрустели пачки вражеских листовок. Их не поднимали – знали и так, что в них написано.

Борисову повезло. Встретил земляка-горьковчанина, Ни-

канора Кудряшова. Никанор оказался хорошим попутчиком – веселым, неунывающим. «Авось переждем», – скажет, бывало, и усмехнется невесть чему. Вместе пробирались к линии фронта. Очень тяжело догонять ее, эту линию. Еще утром слышалась канонада, а вечером было уже тихо, как на другом краю земли.

Ночью переправились через Днепр. Наутро набрели на пастуха. Внизу, на лужайке, пасется стадо коров, голов двести. А на бугорке сидит пожилой мужчина в брезентовом плаще, курит самокрутку и спокойно поглядывает на дорогу, по которой непрерывной лентой тянутся иноземные войска. Завидев своих, вышедших из перелеска, мужчина поманил их к себе беспалой рукой – память с гражданской. Сели. Дал закурить. Помолчал в задумчивости и негромко:

– Вот какой день гляжу – большая сила прет. Однако ж попомните мое слово, фашист потеряет больше, нежели возьмет. Вот попомните! – повторил он с мудрой народной убежденностью, потом озабоченно: – А вам на рожон лезть не след. Почему одежду-то не сменили? Вам ишо воевать придется, али к нему податься решили? – И, заметив, как побагровело лицо Борисова, извинительно: – Время такое... Отдохните до вечера, принесу, что осталось...

Переодеваться в гражданскую одежду не согласились. Однако предостережение пастуха запало в душу. Утром на поляне натолкнулись на жуткую картину. У пня лежала молодая женщина, а рядом двое детей, мальчик и девочка.

– Запомни, Никанор! – глухо сказал Борисов. – За все будем счет вести.

– Хватит ли фашистов, чтоб за все, что мы видели, расчитаться?

– На сколько хватит!

Борисов достал партийный билет. Новенькая книжечка, два года не проносил.

– Вот этим клянусь! Пока жить буду!..

– Об одном жалею, – словно говоря с самим собой, отозвался Никанор, – не успел вступить. Все-таки легче, когда с такой книжкой, в ней ведь какого человека сердце стучит!.. – На его широком скуластом лице отразилась грусть. – Раньше не думал, на «авось» жил, а вот теперь как бы сгодились!..

Борисов заложил билет в санитарный пакет, обмотал бинтом. Посмотрел на убитых, потом склонился над мальчиком. Набрал в ладонь еще не остывшей крови, залил бинт. Завернул штанину на своей ноге, туго прикрутил драгоценный сверток кровавой тряпкой.

Никанор понимающе и одобрительно следил за ним.

... Однажды они спали в лесу, зарывшись в копну. На рассвете Никанор разбудил Николая.

– Да проснись же, политрук! Слышишь?

Николай прислушался. В отдалении громыхало. Но небо было ясным, и он понял, что это такое.

Оставалось самое трудное – перейти линию фронта.

Больше они не ложились спать. Шли днем, сторонясь селений – было бы глупо в последние часы нарваться на вражеские патрули, – ночью выбирались на проселки и спорым солдатским шагом проходили один десяток километров за другим, не останавливаясь даже, чтобы поесть.

Еще через сутки они зашли в какое-то горящее село. Жители, видимо, разбежались по лесам, на улицах не было ни души. Взобрались на полуразрушенную колокольню. Церковь дымилась, но пламени не было – дерево и краска успели сгореть, теперь чадила штукатурка.

Километрах в пяти от села то и дело вздымались фонтанчики взрывов по ту и другую сторону окопов. На восточной стороне их было значительно больше, чем на западной. Нетрудно было догадаться – фашисты стремились взломать фронт, не дать ему закрепиться; русские отчаянно сдерживали натиск и вгрызались в землю.

Николай и Никанор до вечера просидели на колокольне, выбирая удобное место для перехода.

С наступлением темноты стрельба прекратилась с обеих сторон одновременно. Опустилась обычная деревенская ночь. Тихо за околицей, будто нет никакой войны. Только сухое потрескивание горящих домов да пропитанный едкой гарью воздух говорили о бедствии, постигшем и эту безвестную деревушку.

Фашисты еще не успели создать сплошную линию траншей, да она и не нужна была им – ведь они не собирались

обороняться. Уверенные в своей непобедимости, они рвались на восток, почти не останавливаясь, не дожидаясь, когда подтянутся резервы. Редкие окопы не имели ходов сообщения, так что между ними оставались свободные пространства. К одной из таких отдушин и поползли Николай с Никанором.

Николай полз впереди. Вдруг он остановился так неожиданно, что друг ткнулся головой в его подошвы.

– Ты что? – негромко спросил Никанор.

– Слушай!

Из ближайшего окопа доносилась музыка. Фашист играл на губной гармонике. Мелодия была нежная и грустная. Это-то и остановило Николая. В его понимании никак не увязывалось то, что он видел за недели отступления, с такой задушевной, человеческой мелодией. Наверное, его чувства передались и Никанору.

– Тоскует, паразит! – негромко и зло проскрипел он сквозь зубы. – А у меня племянница в музыкальной школе училась. В Могилеве жили, где они теперь?..

– Вернемся назад – разыщем!

– Тех тоже будут искать. – Никанор говорил о женщине на поляне и ее малышах.

Николай не отозвался.

Внезапно мелодия оборвалась. Из окопа раздался дружный хохот, потом гармоника заиграла игривый мотивчик. Его подхватили нестройные пьяные голоса.

– Парочку бы гранат им на закуску! – выругался Никанор.

– Вперед! – оборвал его Николай и пополз дальше.

Полосу окопов преодолели благополучно. Нейтральная зона. Ничейная земля. Впереди – черная полоса оврага. Крутые его скаты заворачивают на восток, к своим. Совсем близко слышались голоса – резкие, гортанные. Гитлеровцы. Дозорные.

Николай, а за ним Никанор скатились в овраг, в ключья изодрав одежду о колючие кусты. На дне оврага мирно журчал ручей. Оба припали к нему и долго не могли оторваться от холодной воды.

Через полчаса их остановил окрик:

– Стой! Откуда?

– Окруженцы, – дрогнувшим голосом ответил Николай и вытер глаза. Наконец-то родная властная речь. До этой минуты он слышал голоса на родном языке, но они были будто чужими – неуверенными и ломкими, постоянно ждущими беды.

К ним подошли трое с карабинами. Лиц в темноте не разобрать. Запомнился лишь непомерно высокий рост одного из дозорных и его могучие плечи, обтянутые плащ-палаткой.

– Чего с ними делать? – хриплым, простуженным голосом спросил высокого рядом стоящий.

– Веди пока на гауптвахту, начальство разберется.

– Пошли! – сказал хриплый голос.

– Много вашего брата идет, – продолжал он уже сзади. –

Здорово досталось?

– Сам, поди, не знаешь? – обозлился Никанор. Он, видимо, ждал не такой встречи.

– Бог миловал... Вчера только с пополнением привезли. А ты зря, дружок, сердце-то распускаешь – незнамо еще, кого что ждет.

Дальше шли молча.

3

Под гауптвахту был отведен огромный сарай с развороченной снарядом крышей и тяжелыми бревенчатыми стенами. Арестованные лежали на полу, подложив под себя солому.

Новоприбывших принял молоденький младший лейтенант с тонким, гладко выбритым лицом и черными, щеголевато подстриженными усиками, в новой форме со скрипящей портупеей. Разговаривая с арестованными, он скрещивал за спиной руки и поднимался на носки, словно этим хотел подчеркнуть свою власть над попавшими в беду людьми.

– Будете находиться здесь впредь до особого распоряжения комиссара дивизии, – говорил он мягким, артистически отработанным голосом. – За попытку к бегству... – он не мог произнести грубого, тяжелого слова, хотя большинство арестованных давно привыкли к таким словам, – по законам военного времени, сами понимаете. А теперь можете отдыхать. – Повернулся и зашагал в темноту.

Борисов с ненавистью посмотрел ему вслед. И хотя само-

му ему еще не исполнилось двадцати двух, обронил громко:
– Сопляк!..

Младший лейтенант остановился. Плечи и голова его дернулись, как у слепого, натолкнувшегося на препятствие. Он повернулся вполоборота, но ничего не сказал, только смерил Борисова внимательным, запоминающим взглядом.

Никанор втолкнул Николая в сарай. Ночью Борису не спалось. Он вспомнил отца, мягкохарактерного крестьянина, выбивавшегося из сил, чтобы все шестеро детей получили образование, вышли в люди. Встала перед глазами мать, тихая, застенчивая женщина, не сказавшая, сколько помнит Николай, ни одного грубого слова ни мужу, ни детям. Вспомнился город церковей Арзамас, где Николай учился, самый близкий наставник и учитель, директор школы Александр Дмитриевич Трушин, добрый и, наверное, самый чуткий на свете человек. Первые нетвердые шаги самостоятельной жизни, учительство в начальной школе. Создание комсомольской организации в глухом селе, двухгодичные курсы по изучению истории партии. И – самое светлое, самое больное – первая и единственная любовь, Дуся – девушка с густыми русыми волосами и смелым голубым взглядом. Свадьба, на которой по обычаям отцов гуляло не менее ста человек – вино рекой, пляски, хороводы по улицам села целую неделю. Теперь Евдокия Ивановна работает фельдшером в городе Боре на берегу красавицы Волги. Что она делает сейчас? Выехала на вызов или, может, только вернулась и си-

дит, пригорюнившись, над колыбелькой Саши, их первенца, которого Николай оставил, когда ему не было еще месяца. Знает ли она, что с ним?.. Откуда ж ей знать, ведь он только что вырвался из пекла и никому не успел сообщить, ни с кем из близких не разделил своей радости. Но ничего, осталось немного ждать. Завтра разберутся, и он напишет. Он будет писать каждый день, чтобы родные не тревожились.

Рядом, намаявшись, крепко спал Никанор. Это была их последняя ночевка вместе.

Утром пришел тот же младший лейтенант и коротко приказал:

– Кто рядовой – выходи!

– Доведется выжить – встретимся, – обняв Николая, сказал Никанор.

Встретиться им не довелось...

Снаружи в дверях поставили стол и грубый некрашенный табурет. На столе – чернильница, ученическая ручка и несколько листов бумаги. Между столом и косяком двери была оставлена узкая щель – едва протиснуться одному человеку. Поодаль с карабином наизготовку стоял часовой, охранявший гауптвахту, – пожилой седоватый красноармеец в пилотке без звездочки, в стоптанных кирзовых сапогах.

Они сидели, прислонившись спинами к стене, не обращая никакого внимания на приготовления, словно то, что должно произойти через несколько минут, их вовсе не касалось. Может быть, это спокойствие было деланным, Борисов не по-

нял, но и сам он почему-то вдруг поддался общему настроению.

– Встать! Смирно! – четко, как на плацу, скомандовал младший лейтенант и сам вытянулся.

К столу подошел высокий старик с продолговатым морщинистым лицом, половину которого занимал размашистый в носдрях нос и массивные очки в роговой оправе, а вторую – квадратный раздвоенный подбородок.

– Товарищ дивизионный комиссар! На гауптвахте за минувшую ночь без происшествий. Все арестованные на месте. Младший лейтенант Валуцкий.

– Здравствуйте!

Он не знал, как обратиться к этим людям. Товарищи они или кто? Арестованные ответили так же неопределенно, кто-то даже сказал: «С тем же и вас».

Комиссар сел за стол, достал записную книжку. Внимательно и долго разглядывал первую страницу.

– Лейтенант Трифонов здесь?

В дальнем углу сарая поднялся молодой человек в гимнастерке, без знаков отличия, босой и без головного убора. Ногти на пальцах его ног были сбиты, через правую щеку тянулся запекшийся шрам. Лейтенант был бледен до синевы. Как обреченный, подошел он к столу, безвольно опустил голову, не выдержав пронзительного взгляда старика.

– Вы были в разведке вчера ночью?

– Так точно, – одними губами ответил лейтенант.

– Где ваши люди? С вами было шестеро.

– Погибли.

– А вы?

Лейтенант молчал.

– Коммунист?

– Комсомолец.

– Билет? – комиссар протянул руку.

– Бросил, товарищ комиссар. Боялся попасть в плен.

– Это видно, что боялся. Где ваша командирская честь?

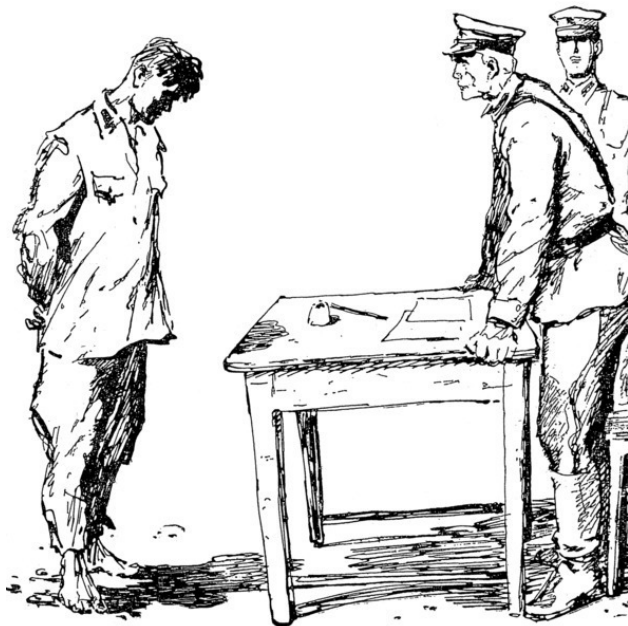
Где форма? Где?.. – Комиссар оперся сухими пальцами о край стола, порывисто встал. Все арестованные, как по команде, вскочили со своих мест, замерли у стены.

– Женат? – тихо выдохнул комиссар. – Дети есть?

– Никак нет.

– Мать?

– Детдомовец, товарищ комиссар.

Комиссар снова сел, достал платок, вытер лицо, несколько секунд сидел, сжав виски длинными костистыми пальцами, и глухо сказал, ни к кому не обращаясь:

– Трибунал.

Трифонов протиснулся между столом и косяком и, пошатываясь, побрел в сопровождении часового к штабу.

– Следующий! – сказал комиссар усталым голосом.

– Под трибунал, что ли? – нарушив общее молчание, спросил бородатый широкоплечий крепыш неопределенных лет

с капитанской шпалой в петлице.

Комиссар не обратил на его слова никакого внимания.

– Вот вы, – указал он на Борисова. – Подойдите к столу.

Фамилия?

– Борисов, Николай Иванович.

– Звание?

– Младший политрук. Окончил военно-политическое училище.

– Документы.

Борисов склонился, непослушными пальцами отвязал от ноги пакет. Долго не мог освободить его от слипшихся бинтов.

– Вот. Других нет.

– Партийный билет? – Комиссар снял очки. Борисову показалось, что в его выцветших глазах блеснули живые огоньки. – Долго пробивались? – потеплевшим голосом поинтересовался комиссар.

– Девять недель.

– Ранения есть?

– Серьезных нет.

– В боях участвовали?

– Участвовал в разгроме вражеского воздушного десанта, а также в стычках с мелкими группами противника.

– Все говорят одно и то же – десант, мелкие группы противника! – усмехнулся за спиной комиссара младший лейтенант. – И все врут.

Комиссар медленно повернулся.

– Младший лейтенант Валущкий! Человек, который вынес из огня вот это, не может врать. Ясно?

– Так точно, товарищ комиссар! – вытянулся Валущкий. – Прошу прощения, товарищ комиссар.

– Вам рано это понимать, – смягчился старик и повернулся к Борисову. – Пойдете политруком минометной роты. Документы и обмундирование получите в штабе. Найдете лейтенанта Лекомцева, с ним будете воевать, он командир роты.

– Спасибо за доверие, товарищ дивизионный комиссар! – прервавшимся голосом ответил Борисов и выбежал во двор.

– Следующий!

– Капитан Храмцов! – услышал Борисов за своей спиной бодрый голос и догадался, что это тот самый бородатый крепыш со шпалой в петлице.

4

Знобкий ночной воздух полон тяжелой влаги. Туч не видно, но Николай чувствует их близость. Они так низко повисли над землей, что кажется, протяни руку и коснешься их мягких волокнистых краин. Холодно – идет октябрь.

А ему жарко. Как и вчера, температура поднимается к ночи. Хочется пить. Смертельно хочется пить. Отдал бы остаток жизни за глоток воды. Любой. Пресной, соленой, холодной или теплой. Пусть болотная, пусть из лужи, – в одном глотке – спасение. Фляга опустела еще вчера, и он ее выбросил. Руки уже немеют и отказываются передвигать на-

брякшее немощью тело. На спине невыносимо трудно ползти, а на животе нельзя. Вчера хоть помогала левая нога, сегодня она отказалась повиноваться. Плечи тупо ноют, голова налилась свинцовой тяжестью, ее не поднять. Когда он подтягивается на руках, голова упирается в борозду и не дает сдвинуться с места.

Почему не прольется дождик? Два дня назад, когда было не нужно, он лил сплошным потоком. Вчера утром перестал. Солнце и ветер высушили лужи.

Что это? Трава мокрая. Роса. Как он забыл, что сейчас по ночам выпадает роса?

Стиснув зубы, Николай переворачивается набок и припадает губами к траве. Жажда так нестерпима, что в первое время он не лижет вялые листья, а жует их. Потом он уже сосет стебли снизу доверху, бережно расправляя каждый листик на ладонях.

Жар спадает, голова становится легче, и он может проползти еще несколько метров. Ночью ползти легче, надо спешить. Хотя бы метров триста преодолеть до утра. Потом взойдет солнце, выпьет росу, и он снова впадет в забытье.

...Когда Николай снова очнулся, ночь уже ломалась. Под холодным зоревым ветром скрипел сухой бурьян. Линял, светлея, горизонт над зубчатым лесом. Прямо над головой Николая, там, куда был устремлен его взгляд, в разводящих стылого облака плескалась луна. Когда она взошла и поднялась в зенит, Николай не видел. И дальше, в темном бездонье неба, тускло мерцали звезды.

Больше Николай ничего не видел. Деревня была впереди, и, чтобы ее увидеть, надо было повернуться, но у него не было сил. Он попробовал ползти, ничего не получилось. Руки цеплялись за рыхлую землю и срывались. Тогда он понял – лежит в воронке. Наверное, он уже терял сознание, когда свалился в нее. Теперь все. Это конец. Из ямы ему не выбраться.

Что же, выходит, косматая была права? Зря он стремился куда-то и терпел муки? Но ведь он жив, черт ее побери!

Стисни зубы, собери нервы в клубок и борись, Николай Борисов! Вспомни лейтенанта Лекомцева. Это был самый молодой командир из всех, которых ты когда-либо встречал. Ему не исполнилось девятнадцати. Он ни разу не держал в руках бритву, его розовое лицо с припухшими юношескими щеками едва начинало покрываться мягким пухом. Ты

успел подружиться с ним за последний месяц. С ним нельзя было не подружиться. Это был юноша с чистой, ничем не запятнанной совестью. Он очень любил жизнь и не меньше – песню. Иначе и не могло быть, ведь он почти год проучился в консерватории. Он мог бы ее закончить и стать знаменитым певцом, у него были данные.

Ты обязан, Борисов, пронести с собой память о той атаке фашистов. Ты помнишь, какой был артналет. В огне и дыму нельзя было разобрать, где земля, где небо и вообще целы ли они еще или все превратилось в сплошное месиво. Ты знаешь, как дрогнул пехотный батальон, который вы поддерживали, как противник прорвал передний край и неудержимой лавиной устремился в брешь, обходя вас с флангов. Вы обнялись с Лекомцевым и дали клятву стоять до конца, потому что приказа к отступлению не было. Но не было не только приказа. Не оставалось уже и людей, минометы замолкали один за другим. Ты и Лекомцев стояли у минометов, сами вели огонь. А как яростно дралась соседняя артиллерийская батарея! Наводчиком у одного орудия был командир полка, а снаряды ему подносил комиссар дивизии. Тот самый седой старик. Они были расстреляны в упор вражескими автоматчиками. А когда фашисты окружили позицию Лекомцева, командир роты бросил гранату в минный ящик...

Мучила жажда. Руки нетерпеливо ощупывали землю, но в воронке не было травы, а значит, не было и росы...

Мир как-то разом раздвинулся – близился восход солнца.

Звезды поспешно исчезали, как снежинки с гладкой поверхности, по которой прошелся ветер. Облака валко катились на восток.

А вот и солнце. Его из воронки пока не видно, зато видно, как яркая палевая дрожь пробежала по макушкам чернобыльника, как заслезилась ржавая трава по обрезу ямы, как желтоватые густые полосы подкрасили края облаков.

Начинался третий день борьбы Николая Борисова со смертью...

Вязкая, пронизывающая все тело боль возвращает ему сознание. Он смотрит прямо перед собой и ничего не может понять. На краю воронки стоит старик с лопатой и медленно засыпает его ноги. Старик невысок ростом, кряжист, одет в залатанную фуфайку, и все его лицо, кажется, состоит из одной огромной бороды и крохотных слезящихся глаз. Позади старика опустилась на колени ветхая старушка, левой рукой она держит угол передника, а правой торопливо и путано крестится. Кого она отмаливает? Разве старик не видит, что он жив?

Старик отворачивает ком земли и сталкивает его вниз, на живот Борисова. Разноцветные полосы плывут перед глазами Николая. Он начинает кричать, забыв о том, что у него нет голоса. Старик продолжает свою тяжкую работу. Николай силится поднять руки, столкнуть навалившуюся на грудь землю, но руки свело, и они не шевелятся.

А старуха молится все неистовей, припадая лбом к сырой

земле, и по ее морщинистым щекам бегут слезы.

Последним усилием Борисов чуть приподнял руку и тут же уронил ее.

Старик недоуменно посмотрел на него, потом бросил лопату и тяжело слез в яму. Склонился над Николаем, коснувшись своей лешачей бородой его лица. От бороды пахло табаком и еще чем-то кислым, домашним.

Николай задохнулся и в какой уж раз потерял сознание.

5

Первое, что увидел Николай, проснувшись, были огромные женские глаза. Казалось, целый мир, окруживший его своим приютом, уместился в серой бескрайности этих глаз, в их чуткой, настороженной глубине и трепетном волнении за него, воскресшего к жизни. Тихим материнским счастьем светились эти незнакомые глаза, обрамленные светлыми длинными ресницами. На немом языке они говорили Николаю о радости, которую он доставил своим пробуждением.

Николай улыбнулся слабой, бесцветной улыбкой. Глаза вспыхнули и как бы высветили все лицо. Высокий гладкий лоб, наполовину прикрытый спадавшей на него желтоватой челкой. Тонкая морщинка, почти невидимой дужкой пролегла по переносице. Короткий вздернутый нос с дрожащими ноздрями. Припухлые розовые губы и гладко выточенный капризный подбородок. Все это светилось и жило тем необъяснимым чувством довольства и гордости, которое может испытать лишь человек, свершивший почти невозмож-

ное.

На самом деле так оно и было. Николай четверо суток метался в бреду. Несколько раз у него пропадал пульс и прекращалось дыхание. В такие минуты вся семья Марюхиных впадала в отчаяние. Агафья Федоровна застывала в углу перед божницей. Ее несвязное бормотание наполняло избу унылой и безысходной тоской. Прохор Игнатьевич, вот уже несколько дней забывающий расчесать бороду, бежал к соседям, приносил все новые пучки лекарственных трав, принимался готовить отвар и поить им не приходящего в сознание командира. А их дочь, Анфиса, не отходила от постели больного даже ночью, дремала, приткнувшись головой к спинке его кровати.

Их старания и заботы не пропали даром. В конце четвертых суток Николай перестал бредить и впервые уснул глубоким спокойным сном. И вот он проснулся. Его изможденное продолговатое лицо было еще бледно, темные глаза запали, нос заострился, щеки заросли щетиной. Зато теперь можно было уверенно сказать – он жив, и дело времени – поставить его на ноги.

– Вы кто? – спросил он еле слышно, и глаза его увлажнились – он спросил тихо, но совершенно осмысленно.

– Молчи, все узнаешь, – сказала Анфиса и поднялась. – Тебе надо выпить лекарство.

Она пошла в запечье, принесла стакан с коричневатой жидкостью.

– Сушеный шиповник с медом, пей.

Напиток был кисловатый и тягучий, Николай почувствовал себя бодрее.

Подошел Прохор Игнатьевич, обнажил ровный ряд нестариковских белых зубов.

– Очухался? Ну, вот и ладно, вот и добро! А то ведь совсем было богу душу отдал. Теперь до смерти проживешь, ежели, не приведи господи, попрешь ничего не приключится. Ей вот, Анфиске, спасибо кажи, вызволила от неминучей...

– Ба-атя! – урезонила его молодая женщина. – Время, что ль, не будет?

– Ну ладно, ладно, учи отца-то! – совсем не сердито отговорился Прохор и отошел к столу, взялся за валенок с наживленной подошвой. – Поди-ка на погребец, молока свежего принеси, от всякой хвори лучшая помочь.

Анфиса вышла в сени.

Николай огляделся. Просторная изба с бревенчатыми не штукатуренными стенами. Бревна оструганы до блеска и, наверное, недавно вымыты с мылом, отдают темноватой желтизной и пахнут сосновой смолой. Добрую четверть избы занимает русская печь с двумя приступками и недавно замененной грядущкой – брусок не успел потемнеть и залосниться. Над запечьем – полати, зашторенные простенькой выцветшей занавеской. Широкая выскобленная судновка с горкой алюминиевых мисок и чугунков. На полнице неполная бутылка подсолнечного масла и половина каравая ржаного хле-

ба с черной поджаристой коркой. Из подпечья торчат деревянные черенки рогачей и кольчатый конец металлической кочерги. Порог и пазы дверных косяков обиты сторновкой, свернутой в жгут и обмотанной пеньковой веревочкой. Два окна, выходящих на улицу, и третье – во двор – ничем не завешены, на уличных подоконниках плоски с какими-то высокими голенастыми цветами.

Посредине избы – грубо сколоченный не накрытый стол, наверное, изделие самого Прохора, лавки углом подле него и старенький табурет. На стенах высокого дощатого потолка затаились кудельки паутины. Вот и все убранство, не считая еще кровати, на которой лежит Николай, соломенного матраца, что под ним, да свежевывстиранной дерюжки, в которую он закутан. Зато как мило, как с детства привычно, породному вкусно пахнет поднимающимся тестом! Дежка, конечно, стоит на полатях, за занавеской. Каким привычным житейским покоем веет от согбенной над немудрящим чеботарским инструментом фигуры старика, от его клокастой нечесаной бороды, от размеренных и точных ударов молотка по березовым гвоздикам, которые он берет из губ и заколачивает в подошву валенка! Сразу в памяти встает родное село Кичанзино, теперь такое далекое, будто не существовавшее детство с нечастой, неумелой лаской отца, с кротким, застенчивым укором матери, с бестолковым гомоном старших сестер и братьев.

– Отец! – позвал Николай.

– Ась! – Прохор встал, подошел к кровати.

– Где я нахожусь?

Старик испытующе посмотрел на него своими узкими, прищуренными глазками.

– У добрых людей, сынок. Марюхины мы. Я – Прохор, по отцу Игнатъич, старуха моя, Агафья Федоровна, да вот дочь приходит, Анфиска. Она вообще-то отделенная, своей хатой живет, а сейчас за тобой доглядала, тут была. Ну, а деревня наша Марково называется.

– Где она?

– Деревня-то? Да там и стоит, где испокон веков стояла, куда ж ей деваться? На своем месте и стоит.

– Фашисты есть?

– Пока не было. В районе разместились, а сюда ежели так, наездом заглянут. Да ты не думай, тебя не тронут, пока бог стороной обошел, не бесчинствовали. А ежели что – упрячем. Поправляйся знай, не прозеваем.

– Спасибо, Прохор Игнатъевич!

Пришла Анфиса с кринкой молока. Наполнила кружку, приподняла голову Николая, стала поить из своих рук. Николай пил жадно, не отрываясь. Глазами поблагодарил Анфису. Она ответила ему счастливой улыбкой. Взяла с лавки жакетку, платок.

– Ну, я пойду, батя, скотина который день не кормлена, не поена.

Прохор пошел ее проводить. Из сеней до Николая донес-

лись их голоса.

– Теперь без тебя управимся, отдохни сама-то, с ног со-
бьешься, – рассудительно заботился Прохор.

– А может, это моя судьба, – отозвалась Анфиса.

– Судьба, нет ли, силы, говорю, надо беречь. Тебе ишо
жить, а на нас с матерью надежа плохая.

– Три года, почитай, без мужика живу, сил накопила, –
озорно и дерзко сказала Анфиса и тихо засмеялась.

– Чего мелешь при отце-то?

– Вроде отец и не человек, что ли!.. Ладно, пошла. Гляди-
те тут, ежели что, прибеги, кликни.

Хлопнула сенная дверь.

6

Первый месяц вынужденного заточения прошел спокой-
но. Теперь кровать Николая была передвинута к окну – он
научился сидеть. Рано утром он просыпается, облакачивает-
ся на подоконник и часами смотрит на улицу. Собственно,
улица ему не видна. Он видит крохотную ее частицу, а вся
деревня заслонена глинистым крутояром. Так и смотрит он
изо дня в день один-единственный кадр неподвижного филь-
ма, но и по нему можно прочесть многое, потому что он
постоянно меняет цвета и оттенки.

Под самой горой, где дорога выныривает из мелкокустыя
орешника и тут же, словно испугавшись чего-то, убегает
в густой ольховник, приютился окраинный домик деревни.
Стоит он, забытый всеми, смуро надвинув на глаза-оконца

шапку камышовой крыши, на берегу вира, заросшего осокой, приземистый, неказистый, потертый осенними дождями, простуженный зимними вьюгами. Смотрит близорукими оконцами в застывший омут, словно давным-давно уронил что-то бесценное на дно и теперь хочет найти, высмотреть сквозь толщу воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.